

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

Любовь
ПОПОВА

Бкус
ПОДЧИНЕНИЯ

Любовь Попова

Вкус подчинения

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67843707
SelfPub;

Аннотация

Майе, медсестре, срочно требуется крупная сумма на лечение маленькой сестренки. Неожиданно ей предлагают стать любовницей миллиардера Давида Грановски. Но заранее предупреждают, что классический секс не для него. Но разве у нее есть выбор?

– Я не смогу лечь в постель с незнакомым мужчиной, – говорю еле слышно. Если честно ни с кем.

– У тебя нет выбора, подруга. Твоя сестра при смерти, помнишь?

– Конечно помню! Но это же называется...Продажа... Это неправильно!

– Ты станешь его любовницей, а твоя сестра будет жить. Ты готова пожертвовать ею из-за своей нелепой гордости? – давит она, пока я, закрывая руками лицо, принимаю решение. Единственно верное решение.

– А если я ему не понравлюсь?

– Понравишься. Он любит таких, как ты, – смеется она и идет к выходу.

– Каких?

– С лицом жертвы.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Майя	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	54
Глава 12	57
Глава 13	61
Глава 14. Давид	65
Глава 15	70
Глава 16. Майя	73
Глава 17	77
Глава 18. Давид	82
Глава 19	85
Глава 20. Майя	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Любовь Попова

Вкус подчинения

Пролог

– Давид, – шепчу растерянно, оглядываясь. Как я здесь оказалась? – Я не понимаю...

– Молчать! – шипит он не своим голосом, и я падаю на диван в его современной квартире. Стойте, мы же были в отеле... – Ты должна знать свое место! Где твое место?!

Суров и безжалостен. Если бы еще знать, что именно его так разозлило. Он угрожающе нависает сверху, держа меня в плену глаз, рук, что по обе стороны головы, а главное, ауры силы и власти. Той ауры, которую при одном взгляде на его, словно высеченное из камня лицо, видно невооруженным взглядом. Но он никогда не грубил, не повышал голоса на меня.

Этого не требуется, ведь я уже в его власти. Добровольной, сладкой власти.

Он всматривается в мои глаза, пока я вжимаюсь в спинку дивана, словно что-то выискивая. Давит. Требует беспрекословного подчинения. Он не прикасается, но от его взгляда шею как будто охватывает ошейник, и я знаю, что он скоро там и окажется.

– На коленях, мое место у вас в ногах, – говорю тихо и покорно, и он тут же поднимается и отходит на шаг, осматривая мое дрожащее тело, скользя взглядом по прикрытой платьем груди, задерживаясь на постыдно торчащих сосках.

Страх и возбуждение, ровно как боль с удовольствием, идут рядом с этим человеком рука об руку, впитавшись в меня как яд, разъедающий прежнюю Майю, создавая из пепла новую, смелую.

Что происходит? Почему он так себя ведет?

– Правильно. И ты этого хочешь или может быть тебе больше понравится флиртовать с Андроновым, может быть ты даже хочешь сменить Хозяина? – выбор, которого нет, звучит в его угрожающем голосе.

Глава конкурирующей компании, которого мы сегодня встретили, был мил и предупредителен. И он бы мог мне понравиться, если бы не скользкий взгляд. Я и рассмеялась не над его словами, а потому что Лене сделали операцию. Я просто была счастлива.

– Нет, – сглотнув, отвечаю и медленно, словно нехотя стекаю ручейком с дивана. К нему в ноги. На колени. Трепещу, хочу его. Смотрю не в глаза, а куда-то надвигающийся ходунуо кадык, на мощный разворот плеч, с которых он стягивает пиджак от Армани, и ниже, где все еще застегнутым был ремень.

Но это ненадолго.

Очень скоро упругая кожа будет хлестко ласкать мое тело,

срывая хриплые постыдные крики наслаждения и погружая меня в мир порока и похоти.

И я хочу доказать, что нет причины быть грубым, ведь я сама готова к подчинению, но он словно не понимает, не слышит меня.

Смотрит зло, неприязненно.

– Расстегни ширинку, рабыня, – требует он, и я подчиняюсь. Достаю ремень, покорно вкладываю ему в руку и освобождаю из плена каменную, шелковую плоть.

Хочу облизать, хочу дать понять, как сильно люблю, но Давид резким движением толкает меня к своему паху. Большим и указательным пальцами давит на щеки и сразу толкает член глубоко в горло.

Ну ладно, я стерплю и это, стерплю насилие рта, стерплю крепкий захват косы.

Вот только острая боль от ремня по спине была настолько неожиданной и сильной, что я дернулась и хотела выпустить член, спросить, почему он меня не подготовил. Почему не рассказал, в чем будет заключаться сессия.

Но Давид продолжает держать мою голову, пихает член глубже и снова хлестко бьет по спине ремнем.

Кричу, но член во рту мешает.

Дергаюсь, но рука требует подчинения. Заявляет власть.

– Знай свое место, сука! Блядская тварина!

Это неправильно, так быть не должно! Все наши игры были на добровольной основе, а сейчас он просто насилует ме-

ня, избивает ремнем, оставляя обжигающие следы на нежной коже.

– Нравится, нравится, когда тебя стегают ремнем, как животное?! – вопит он, и я ощущаю тошноту и страх.

Что-то не так...

Я смотрю наверх, чувствуя, как задыхаюсь от члена, как горит спина и попа, как слюна обильно стекает по подбородку и вижу... Боже, нет! Кричу от ужаса.

Это не Давид, нет!

Это Леша и теперь в его руках полыхающий огнем хлыст, он снова замахивается и обжигает меня новым ударом. Агония проникает в тело, заставляет кричать, захлебываться слезами и острой невыносимой болью, а в попу внезапно толкается что-то острое, огромное, разрывает меня надвое! Кричу снова и снова! Умоляю прекратить адские муки.

Не надо, Леша! Не надо, Леша!

Я умру от боли, я просто снова умру от боли! Мне больно! Больно! Помогите! Давид, спаси меня!

– Майя! Майя! – орет мне в лицо знакомый голос, и я распахиваю глаза, сотрясаясь всем телом, чувствуя, как по лицу стекает пот.

Мои плечи в тесном плену рук Давида, а зубы шелкают от того, как сильно он меня трясет.

– Боже! Ты меня с ума сведешь.

– Сон, просто сон, – шепчу я хрипло и улыбаюсь. Тяну Давида на себя и вжимаюсь в его тело. Хочу окунуться в его

надежность, силу, власть, просто хочу стать с ним единым целым. Чувствую, как его самого трясет и прошу:

– Воды.

Он тут же слетает с кровати и приносит мне стакан и вкладывает в дрожащие пальцы. Просто сон. Я так и знала. Выпиваю прохладную жидкость залпом, а Давид сам стирает капли с моих губ, целует и тут же смотрит внимательно и напряженно в глаза.

– Кто такой Леша, твою мать?!

Глава 1. Майя

Месяц ранее пролога

Страх сковывает внутренности. Тело дрожит и сотрясается в болезненной агонии. Мое тело. Ее тело.

Но мучитель упивается этим, снова и снова пронзая девушку своим мерзким отростком и сжимая рукой грудь. Он наслаждается ее слезами, криками боли, отвращением, стискивая шею другой рукой и заставляя задыхаться. Оставляя отметины, клеймо изнасилованной, клеймо жертвы.

Я, как всегда, смотрю на себя со стороны, рыдая. Знаю, что этот ужас никогда не кончится, знаю, что буду возвращаться в этот чулан дома культуры снова и снова, каждую ночь, каждый раз, когда буду прикрывать глаза и погружаться в царство Морфея.

Я опять здесь, чувствую, как стекают по лицу горячие капли, и смотрю на себя, кричащую от боли и унижения. Смотрю, как когда-то любимый человек совершает акт далекий от любви, уничтожая в юной девушке все чистое и светлое.

И я хочу отвернуться. Как же сильно я хочу на это не смотреть! Хочу забыть это, но не могу, не могу оторвать взгляда от своего бледного лица, просящего о помощи. Но я не могу

ей помочь. Как тогда не смогла помочь себе.

Тру место на руке, где до сих пор, казалось, горит сигаретный ожог, и вдруг слышу стук. Он долбит воспаленный слезами и болью мозг. Громче. Еще громче, и я, наконец, могу обернуться.

Сон прерывается.

Резко открываю глаза, с облегчением вздыхая, что сон закончился. Что следующие двадцать часов я не буду видеть этого кошмара.

Снова стук, но теперь в реальности. Стук в дверь, так как звонка не было. Его выжгли. Не слишком удивительно в этом районе отбросов общества. И среди этих отбросов я. Майя Солодова.

Ленок, кашляя, поднимается со своего диванчика и пошатываясь бредет в ванную. Сестре осталось недолго, скоро сердце окончательно остановится, лишая юную девочку возможности ощутить прелесть жизни, исполнить мечты. Если бы в жизни была прелесть.

Может, и к лучшему, что она умрет?

Нет, так думать нельзя. Мы справимся, мы найдем выход.

В конце концов я увижу, как эта красавица идет к алтарю в подвенечном платье или как эта тонкая девочка танцует на сцене. Она мечтает о сцене. Она мечтает просто жить. Прожить еще хотя бы год.

– Ты откроешь уже или так и будешь фантазировать о голубом вертолете? – спрашивает эта девятилетняя засранка и

скрывается в ванной.

– Конечно, – отвечаю в пустоту, мельком осматривая убогость обстановки, которую мы на пару каждый день упорно пытаемся делать уютной.

На вопрос, кто бы это мог быть, да еще и в такую рань, ответа у меня нет.

Наверное, поэтому, открывая, не спросив кто, я ловлю ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

– Таня?! Таня Воронина?!

Белый костюм. Уложенные волосы. Сумочка и туфли из крокодиловой кожи. Да, эта сучка, моя бывшая одноклассница, высоко забралась. Хотя я, как и все женские создания, с тщеславным удовольствием осознаю, что выгляжу моложе ее.

Таких, как Таня, много в инстаграме¹. Яркий регулярный макияж, солярии и развратная ночная жизнь быстро старят.

Может, и права была мама, что мы выглядим на столько грехов, сколько совершили.

Таня Воронина морщит нос, будто учуяв неприятный запах, и не говоря ни слова протискивается мимо меня, осматривая узкий коридор, и не разуваясь проходит в тесную кухню.

– Таня, чем обязана? – спрашиваю, следуя за ней и не чув-

¹ * В тексте упоминаются социальные сети Facebook и/или Instagram (организации, запрещённые на территории РФ). ** Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ.

ствуя, что рада ее видеть, скорее, натурально охреневаю от ее наглости и невоспитанности. Нет, она, конечно, никогда не отличалась добрым нравом, но это уже зашквар.

– В этой, – она пытается подобрать слово, очевидно более вежливое, чем халупа, – квартире есть, куда присесть?

Я, вздохнув, приношу ей одну из двух облупленных табуреток и машу рукой в сторону чайника.

– Чаю?

– Да, зеленого, – повелевает она, скривив губы, и усаживается на край стула.

– Черный, Таня, только черный, – усмехаюсь аристократичности этой когда-то безотказной девки. – Ну, так что это за незапланированная встреча выпускников? Прости, врать, что рада тебе, не буду.

– Ну почему же? Я, лично, ее планировала. Даже навела кое-какие справки.

Холодок стекает от шеи по позвоночнику вниз.

Глава 2

– Зачем? – интересуюсь наигранно безразлично и наливаю чай без сахара. Себе добавляю одну ложку. Моему телу диеты все равно не помогают, зато помогает работа в больнице по двенадцать часов в сутки.

– Как твоя сестра? – в свою очередь спрашивает Таня и, подув на напиток, делает глоток. Этим и завершается ее чаепитие. – Много денег собрали на пересадку?

Долго молчу, пытаюсь разглядеть в лице бывшей подруги хоть проблеск жалости. Но ее нет и быть не может. Она никогда не думала ни о ком кроме себя. Я уже и не помню, почему мы сошлись.

– Лена не младенец, жалости не вызывает, поэтому немного. Но ты ведь не помочь сюда пришла.

– Ошибаешься, – ухмыляется она и долго рассматривает мою сорочку до пят, распущенные светлые волосы, задерживается на наверняка опухшем после сна лице. – Ты все такая же.

– Какая? – невольно злюсь на ее выпад, в котором ни грамма восхищения или одобрения.

– Выглядишь невинной овечкой, которую хочется пожалеть. Неудивительно, что каждый мужик хочет тебя изнасиловать. У тебя же в глазах написано: жертва.

– Пошла вон! – мигом срываюсь на крик и указываю на

дверь. Но весь всколыхнувшийся гнев разом затухает, когда вижу большие удивленные глаза Лены.

– О, это наша девочка, – лепечет Таня, не сдвинувшись с места, и от ее сладкой, как мед, улыбки на намалеванных губах меня тошнит, а Лена пятится, как от змеи.

– Лена, иди собирайся, – произношу спокойно. – Нам выходить скоро.

– Ты все так же в больнице? Утки за бомжами выносишь?

– Слушай, ты же все знаешь, – оборачиваюсь и рычу. – К чему эти вопросы? Что тебе нужно?

– Пришла тебе помочь, – пожимает она плечами и вдруг залиvisto хохочет. – Можно сказать, стану твоей феей. Помнишь? «Золушка» была твоей любимой сказкой. И ты считала Лешу своим принцем.

– Засунуть бы в одно место такие сказки, – раздражаюсь я еще больше от того, что тема моего изнасилования, прогремевшая на весь наш маленький город, до сих пор ее смешит. Сука. – Говори, зачем пришла, пока жертва не превратилась в хищника, и весь твой дорогой костюм, купленный на деньги от продажи твоего тела, не оказался в мусорке!

– Какая ты грубая, – дует уткой губы эта проститутка и повторяет: – Я пришла помочь тебе и твоей красивой сестренке.

– Да как! Как! – уже кричу сквозь слезы. – В твоей роскошной сумочке волшебная палочка или ты принесла полтора ляма?! Как ты хочешь мне помочь?!

– Хочу предложить тебе работу.

Резко успокаиваюсь, смахивая слезы, и быстро умываюсь в раковине, растирая лицо и пытаюсь сдержать желание задушить эту... Ну разве нельзя говорить все и сразу! Для чего эти инсинуации?

– Какая работа?

– Что ты знаешь о Теме?

– О каком Тёме?

Она закатывает глаза и достает из сумочки фотографию.

– Кто это?

– Это, милочка, один из самых влиятельных людей по эту сторону Европы. Нравится?

Фотография была с какого-то пафосного мероприятия, на котором мужчина в компании брюнетки смотрел прямо в камеру, но казалось, что это жесткое лицо смотрит в душу. Глаза, как и волосы, черные, кожа чуть смугловата, а твердый подбородок наводит на мысли о волевом характере.

Ничего от принца из юношеских грез. Если светловолосый нежный Леша, любимец всего города, оказался дерьмом, то страшно подумать, что из себя представляет этот миллионер.

– Не особо, – искренне отвечаю я. – И что? Его зовут Тёма?

– Нет, – фыркает Таня и убирает фото. Мое тело словно отпустили невидимые силки. Даже с фотографии аура этого человека гипнотизировала.

– Давид Грановски.

– И? – уже нетерпеливо рыкаю я. Сколько можно тянуть кота за хвост?

– И у него есть одна маленькая слабость, – она делает театральную паузу, набирает в легкие воздух и выдает, повергая меня в ужас: – Девушки с лицом жертвы. Такие, как ты, Майя.

Глава 3

Я не хотела кричать. Я вообще никогда не кричу. Кричать я перестала тогда, когда сорвала горло, воя о помощи. Меня никто не услышал или не захотел услышать.

Возможно, подсознание дало команду «не кричать», ведь это бесполезно. Но Таня своим предложением о продажной работе вывела меня практически на ультразвук.

Нет, я, конечно, выслушала ее, чувствуя тошноту и отвращение во всем теле ко всему, о чем она с таким упоением рассказывала. И о плетках, и о свингер-вечеринках, и о БДСМ Теме.

Но я ни на секунду не поверила, что женщина может испытывать удовольствие от всех тех вульгарных вещей, о которых она говорила.

Что женщина может испытывать оргазм, когда ее унижают, избивают или насилуют.

Вот в то, что мужчины от такого кайфуют, я поверила сразу. Сама с этим столкнулась восемь лет назад.

– Майя, а давай помедленнее, – умоляет Лена, которую я, как на убой, тяну в сторону метро.

– Прости, я просто...

– Разозлилась, – понимает умница и останавливается посмотреть, как голуби плещутся в весенней луже.

Я даже и не поняла, что зима уже прошла, отдавая браз-

ды правления следующему времени года. В моей душе холод поселился давно и надолго, запорашивая снегом всю надежду на счастье.

Но сейчас, смотря, как качается Леночка из стороны в сторону, как солнышко ласкает ее полупрозрачную кожу, как путается в светлых волосах, я поняла, что жить надо сегодняшним днем и не думать о плохом.

Не с этой маленькой феей.

И если бы не голос Тани в голове, озвучивающий сумму, которую платит по итогу своим любовницам Давид Грановски, я была бы почти счастлива.

Квартира в Москве. В Москве! Квартира! Да где столько платят проституткам?!

Я даже боюсь представить, сколько она может стоить. И сколько денег у этого миллионера, что он каждый месяц дарит такие подарки.

«Или, может быть, – злорадная, завистливая улыбка искривляет мои губы, – его гложет чувство вины за то, что он делает с бедными, несчастными девушками? Большой урод, не иначе. Как таких носит земля?».

Доехав до учебной клиники в центре столицы, места, где и учатся, и лечат, я сразу отправляю Лену на процедуры по поддержанию сердечного ритма.

Сюда же к ней приходят преподаватели. Я же, переодевшись в закрытый халат и убирая волосы под шапочку, окунаюсь с головой в привычную суматошную жизнь клиники.

Капельницы, таблетки, утки, перевязки, чай в компании добродушной, неунывающей Вари, вечно таскающей очки, как у Гарри Поттера.

День проходит очень быстро, выметая метлой мысли о предложении Тани подготовить меня в любовницы этому садисту Давиду Грановски.

Он, конечно, клонет, как сказала бывшая подруга. А потом я должна ей отдать семьдесят процентов от продажи подаренной квартиры и спокойно вылечить сестру.

Все просто. Так просто, что голова от ее предложения чуть не взорвалась. Так просто, что меня замутило от образа того, как я буду снова подвержена унижению.

Добровольно. Стану шлюхой!

И даже понимание, что после всего я смогу не только дать Лене возможность жить, танцевать, но и обеспечить себе вполне сносное существование, не помогло мне решиться...

Даже подумать о согласии на, по сути, работу проститутки.

После такого жить не хочется.

В прошлый раз мне не хотелось.

И если бы не внезапная беременность матери, я бы так и сделала. Просто прыгнула бы в темноту ночи, когда весь город осудил меня, заклеив отверженной. Они слишком любили Алешу Маслова и были крайне возмущены, когда вместо того, чтобы выйти за него замуж, я подала заявление в полицию.

Глава 4

Там я красках описала все то, что сделал со мной этот ублюдок. Его посадили. На девять лет.

Одно то, что Таня ковырнула старые раны, вызывает жгучую болезненную ненависть.

Но сейчас я в светлой палате со шторками в цветочек, а не под садистом. До отбоя еще далеко, и можно расслабиться и просто слушать лепет Лены о пройденном учебном материале.

Кроме того, проверяю капельницу и тут слышу шум в коридоре.

В дверь с сияющей улыбкой заглядывает Варя и, сделав круглые глаза, зовет меня. Я закатываю свои, видя ее возбуждение, и выглядываю за дверь.

Вот это да. Сама чета Сладеньких уже второй раз на неделе пожаловала в нашу скромную обитель.

Лучший хирург города Роман Алексеевич и его супруга Анна, самая известная балерина России и директор балетной студии. Они частые гости в нашей больнице, и Варя просто сходит по ним с ума, как и Лена.

– Какая красивая пара. Прямо как из кино.

– Успокойся, – усмехаюсь я и тут замечаю, как Леночка высунула свой курносый носик за дверь. Вот уж кто точно поклонник Анны Сладенькой. Она ее кумир. – А то они заявят

на тебя за домогательство.

– Отстань.

Варя отмахивается, как от назойливой мухи, и делает очередную фотографию на смартфон, продолжая пялиться на общавшуюся с заведующим, Алексеем Романовичем, пару.

Да уж, вот, что называется встретить Богов на грешной земле. Они всегда держались приветливо, носы не задирали, но, казалось, кроме друг друга ничего и никого не замечали.

Когда-то я верила, что и у меня так будет. Что я буду любима и полюблю в ответ.

Но я не достойна счастья. Клеймо жертвы наложило слишком сильный отпечаток на мою душу, не позволяя заводить тесных отношений ни с кем. Варя просто навязалась, с некоторых пор став неотъемлемой частью моей жизни. И хоть я нередко замечаю на себе мужские взоры, мне скорее хочется от них отмыться, чем ответить взаимностью.

Парни это понимают и не навязываются. Да и кому навязываться, когда последним лучшим поклонником был пятилетний кавалер Михаил, решивший, что я подхожу на роль его супруги.

– Майя, а можно я автограф попрошу? – вдруг дергает меня за халат Лена, вытягивая из омута раздумий, и делает умоляющие глаза. И вот как ей откажешь, хоть навязываться таким людям неприлично?

– Только быстро, – снимаю я ей капельницу. – И надень кофту. Нехорошо давить на жалость.

Она тут же, просияв, кидается из палаты и выбегает оттуда, одеваясь на ходу, стремглав помчавшись в сторону красивой пары. Почти в них врезается и протягивает альбом с фотографиями главных ролей Сладенькой Анны.

Темноволосая женщина мягко улыбается, и от этой улыбки тянет ответить тем же. Она просит ручку у мужа, расписывается на первой странице и целует щечку сестры, делая ее сегодняшней день наверняка самым счастливым в жизни.

– Жалко будет, если она так и не станет балериной, – слышу печальный голос Вари и смахиваю тут же набежавшие слезы. В груди дыра стремительно растет, и собственная вина, что не могу помочь единственному близкому человеку, разъедает душу. Очень давно. Почти превратив ее в тряпку.

– Жалко...

– Тебе бы волшебника, ну или любовника, – вдруг смеется Варя от моего острого взгляда, который я в нее метнула, резко успокаивается. – Я пошутила. Чего ты?

– Не шути так! – огрызаюсь и ловлю бегущую ко мне Лену. Подхватываю и несу в палату, чтобы снова поставить капельницу и дать отдохнуть возбужденному организму.

Но слова Вари не выходят из головы. Два в одном. И волшебник. И любовник. У меня это может быть. Хреновая сказка, которую не хочется читать и тем более в ней принимать участие.

Я могу помочь сестре, полностью разрушив при этом себя. Но я ведь могу! Я могу достать денег на операцию, кото-

рую проведет сам Роман Алексеевич, но мне придется продать свое тело. Тело, давно мне не принадлежавшее. Могу стать сабой для доминанта и потерять себя. Играть послушную овцу целый месяц и получить заветные документы на квартиру.

Всего месяц потерпеть то, что с таким трудом вытерпела одну ночь.

Злюсь сама на себя, что не похожа на тех женщин, которые получают удовольствие от насилия. Я при мысли о сексе хочу спрятаться в самый дальний угол. Само слово «секс» повергает меня в пучину темного отчаяния и ужасов прошлого, туда, где романтический акт любви превратился в многочасовую экзекуцию.

Обещаю Лене скоро пойти домой и почти не глядя выхожу в коридор, посмотрев на лампы на потолке.

Одну бы заменить. Уже мигает.

И в этом мигающем свете замечаю посетителя, проходящего ровно мимо меня, скользнувшего по мне пустым взглядом.

Сердце замирает от страха и чего-то непонятного, словно брызнувшего на горячую кожу прохладной водой.

Я застываю как каменное изваяние. Давид. Тот самый Давид Грановски здесь? Здесь?!

Глава 5

В нашей не слишком современной больнице? В своем дорогом костюме, со строго уложенной прической. Педант.

От него веет такой волной мужества, богатства и власти, что меня прибивает, как к скале. словно жертва почуяла опасность от притаившегося хищника и делает все, чтобы ее не заметили, буквально сливается с окружающим пространством.

Я не могу оторвать взгляда от ровной походки, от широкого разворота плеч, на которых накинутый халат смотрится откровенно нелепо и смешно. На руки с длинными, сильными пальцами. Пальцами, способными причинить страшную боль, а то и вовсе переломить шею одним движением.

На вид ему не дашь больше тридцати пяти, но аура силы, его окружавшая, на все шестьдесят.

Я делаю вдох, выдох. Спокойно. Он здесь не из-за меня.

Мир светлеет, я моргаю и дыхание снова ровное. Я как загипнотизированная иду в ту же сторону. На вопрос «зачем?» отвечать смысла нет.

Возможно, я просто как тот мотылек лечу на пламя?

Или прячусь от хищника в самом надежном месте. Рядом. За его спиной.

И это мужественное пламя догоняет Сладенькую пару и жмет руку Роману Алексеевичу.

А потом вдруг улыбается. Во весь свой львиный оскал.

От его улыбки коленки вдруг подгибаются, а дыхание перехватывает. Боже! Красота Леши по сравнению с этим мужчиной, как сорняк рядом с розой. Да, тоже растение, но между ними ничего общего.

И это садист?

Может быть, Таня обманула меня? Или ошиблась.

– Солодова. Солодова, ты где летаешь? – сам Сладенький, откуда-то знающий мою фамилию, подзывает меня к себе, почти не прерывая разговора с Давидом Марковичем и протягивает мне медицинскую карту. – Будь добра, отнеси к Романычу. Пусть в график мой вставит.

– Конечно, – киваю я и соглашаюсь шепотом. Потом лишь мазнув взглядом по твердым губам миллионера, поворачиваюсь и хочу сделать шаг.

– Вы уронили, – этот голос. Он способен руководить целыми армиями. Он может пугать. Он может приказывать мне.

Густой баритон, от которого кровь стынет в жилах.

Я смотрю вниз и с ужасом вижу карточку, что впихнула мне Таня. Она вся измятая из-за частой попытки ее порвать.

Алая надпись на черном фоне привлекает внимание, и Давид пытается наклониться, но я его опережаю.

– Я сама, – бросаюсь почти ему в ноги и хватаю заветную карточку, молясь всем богам, чтобы он, с высоты своего роста, не смог прочитать: клуб «Куртизанка».

Мне бы подняться и уже идти выполнять задание хирурга, но я как ведомая незримой силой поднимаю голову и сталкиваюсь с обжигающим черным пламенем в глазах хищника.

Сколько прошло времени? Секунда, минута, целый час.

Но за это мгновение перед глазами ярким пламенем вспыхнули образы Таниных рассказов.

И в главной роли он. А под ним я. И самое противное, что прямо сейчас я не чувствую тошноты, только легкое покалывание внизу живота. Странное тепло в груди и страх, что он может все это заметить.

– Извините, – сглатываю и тут же, поднявшись, рву когти от запаха одеколона и ментола, от мужчины, который наверняка берет в этой жизни все, никого не спрашивая.

Мне уж точно такого счастья не надо.

Возможно, он уже гонится за мной, чтобы причинить боль, я чувствую его взгляд, разрезающий мне кожу лезвием, вспарывая старые раны и нанося новые, пробираясь глубоко под кожу.

Только чертовым взглядом.

И да, он садист. Я чувствую это, но его улыбка...

Оборачиваюсь резко, но за мной никто не бежит, на меня даже никто не смотрит.

Невидимка.

Никому не нужная, вынужденная столкнуться с проблемами, и сама же их решить. Чувствуя, как все еще дрожу только от одной мысли, что этот великан способен сделать с

моим телом, и на ослабевших ногах иду к заведующему.

Пара этажей одинаковой зеленой расцветки и я на месте.

В его кабинете как всегда уютно и можно урвать конфетку. Он благодарит меня и вдруг подзывает.

– Солодова? Это не твоя сестра?

– Где? – подбегаю к окну, возле которого стоит Романыч, и вскрикиваю.

Эта маленькая идиотка решила потанцевать во дворе.

– Ей же нельзя! У нее же сердце!

Только я это кричу, как Лена, взмахивая руками-крылышками, падает на асфальт и замирает.

Глава 6

Обошлось, но это временно. Очень скоро органы откажут, сердечко встанет, и такой бледной и недвижимой Лена останется навсегда. Навсегда оставит меня в этом мире одну. Покинет. Разорвет единственную нить, что тянется к солнцу. Убьет надежду на светлое будущее.

– Майя, тебе бы поспать, – заглядывает Варя, уже собранная домой. Ее смена закончилась, а значит, можно покутить.

– Я лягу в сестринской, – шепчу, словно мой голос может разбудить сестру на аппарате искусственной вентиляции. Теперь ее может разбудить только новое сердце. – Спасибо, иди домой.

– Если силы есть, загляни в ординаторскую, поздравь Романыча от нас. Мы сегодня так подарок и не подарили, а мне уже бежать надо.

– Конечно, а ты опять на свидание?

– Ага, – улыбается она мечтательно. Я так не умею. – Он байкер и покатает меня на своем, – она поднимает брови, – стальном жеребце.

– Смотри потом, чтобы жеребята не бегали, – усмехаюсь и, поправляя одеяло сестре, выхожу вслед за Варей.

Сразу беру подарок, на который мы собирали всем сестринским коллективом, и иду в ординаторскую. Она большая, наверное, поэтому там засели те врачи, что на смене.

Иду медленно, вяло, чувствуя, как слипаются глаза. Такое ощущение, что сегодня по мне проехался каток.

Сначала Таня, потом Давид Маркович, еще кома сестры. Потанцевала, называется. И винить некого.

Стучусь и, когда слышу приглашение, открываю. Пытаюсь в небольшой толпе найти взглядом заведующего. И я нашла, вот только...

Рядом с седовласым Романычем, расслабленно откинувшись в кресле, сидит он. Опять улыбается, смеется, повергая меня в пучину странной, безумной неопределенности.

Кто он? Почему он может только одним смехом вызвать жгучее желание слышать его снова? И снова.

– Солодова? – Алексей Романович поднимается, слегка подшофе. – Что-то случилось? Ты проходи, присаживайся.

– Нет, нет, – мягко улыбаюсь ему и извиняюще остальным. Я тут явно не к месту. Врачи с медперсоналом общаются постольку-поскольку. Есть некая служебная иерархия, и никто не выходит за границы дозволенного.

– Мы тут с девочками хотели Вас поздравить, да все как-то не собрались.

Протягиваю ему большую коробку с черепом-баром, и он, открывая ее, довольно хохочет. Смешно щелкает зубами.

И я даже на миг забываю всю безысходность своей жизни.

Порой, чтобы совсем не чувствовать себя мертвецом, нужна мелочь. Смех прекрасно подходит.

Все смеются, одобрительно улыбаются. Кроме него.

Давид Маркович не участвует в общем веселье, он внимательно рассматривает меня.

Поджилки трясутся, пока он, словно в музее, оглядывает мое тело. Легкое волнение накатывает волнами, застревая в горле, и сонная хмарь с меня мгновенно слетает.

Я стараюсь избежать тоста, но, чтобы не обидеть заведующего, выпиваю четверть бокала шампанского.

И пока я глотаю хмельной напиток, чувствую, как Давид Маркович внимательно следит за моим горлом. За тем, как капелька стекает вниз по подбородку и дальше. А может быть, мне все кажется?

Облизываю сладкие губы, чувствуя приятное покалывание в груди, и смело смотрю в ответ. Слишком смело. Не кажется.

Почему он так смотрит, почему из всех медсестер и присутствующих красивых врачей зацепил взглядом именно меня?

Совокупление взглядов разрывает звонок его телефона. Он тут же поднимается и уходит из ординаторской, приложив последнюю модель айфона к уху.

Надо не забывать, кто он и сколько он тратит на шлюх, чтобы удовлетворить свои изменные, порочные желания.

В голове шумит от пары капель шампанского. А тело наливается тяжелой негой. Надо пойти поспать, пока не рухнула прямо здесь.

Вот будет им веселье – тащить мою пьяную тушку.

– Спасибо и поздравляю, – прощаюсь я со всеми и замираю у двери, чтобы еще раз взглянуть на пустующее место.

Надо его дождаться. Нельзя оставаться с ним наедине, пусть даже в переполненной персоналом больнице.

По спине никак не прекращают отбивать чечетку мурашки, и я понимаю, что стоять здесь вечно нельзя.

Хватит трястись.

Открываю дверь. Выглядываю. Коридор пуст. Только тусклый свет мигающей лампы окрашивает пространство в теплые, оранжевые тона. А кварцевые создают приятное успокаивающее жужжание.

Один этаж, и смогу попасть в постель. Положить голову на подушку и погрузиться в сон без сновидений.

Я очень надеюсь, что он будет таким.

Прохожу на лестничный пролет и замираю.

Давид. Маркович. Боже. Стоит разговаривает по телефону, активно жестикулируя. Язык мне неизвестный. Не английский точно.

Все его крупное тело напряжено, а в голосе слышатся суровые нотки. Все внутренние инстинкты кричат: «опасность, бежать, спрятаться».

Он явно зол, и меньше всего на свете я хочу, чтобы эта злость вылилась на меня.

Пячусь назад, но вдруг оступаюсь и с вскриком падаю на мягкое место. Черт! Вот только почему-то падение оно не смягчило.

Сажусь, тру ноющий копчик и уже хочу подняться, как вижу перед собой широкую ладонь с теми самыми пальцами-убийцами.

Глава 7

Сглатываю и, облизнув в раз пересохшие губы, подсознанием понимаю, что он следит за каждым движением. Медленно веду взгляд вверх по обвитой венами руке, плечу, чуть расстегнутому вороту, где видно темную поросль и, наконец, останавливаю взгляд на тяжелом подбородке.

Его лицо в тени, и выражение нечитаемо, но я чувствую, что он смотрит прямо на меня, вернее, на колени, которые показались из-под задравшегося халата.

Я стыдливо поджимаю губы, ощущая, как к щекам прилил жар, и одергиваю подол.

А Давид Маркович все ждет. Рука все так же перед моим лицом. Молчит.

Нужно подняться самой. Я могу. Но я очень хочу понять, что же это за человек.

Почему сейчас он протягивает руку помощи, смеется в компании врачей, а в другое время истязает женщин и платит им за это баснословные деньги? Может быть, я ошибаюсь? Может, он нормальный?

Кто вы? Давид Маркович.

Рука вдруг сжимается в кулак, а он резко садится передо мной на корточки, и теперь я вижу его лицо лучше в лунном свете, что любопытно заглядывает в окно.

– Кто я...

Он услышал? Я сказала это вслух?

– Тот, от которого такой Мышке, как ты, лучше держаться подальше и не дразнить смелыми взглядами.

Смелыми?

– Я и не собиралась, – бурчу и отворачиваюсь, не в силах больше ощущать это давление взгляда, словно рукой нагибающего меня в коленно-локтевую.

– Охотно верю, – продолжает он на меня смотреть, ничуть не расстроенный, что я отвернулась. – Порой подсознание творит с нами страшные вещи.

Или ты творишь страшные вещи?

– С моим подсознанием все в порядке.

– Тогда почему ты все еще здесь, а не бежишь в свою норку от хищного кота?

Очень хороший вопрос, ведь все чувства кричат: беги, ведь больше всего я боюсь, что он начнет свои развратные игры прямо здесь.

Я боюсь?

– А вы почему не идете веселиться и сидите тут с серой мышью?

– Мышкой, – поправляет он. – Потому что я со своим подсознанием в ладах и четко осознаю свои желания.

– И? – возвращаю взгляд в его плен, и сердце почти останавливается, когда вижу, сколько там этого самого желания. Обжигающего. Пробирающегося под кожу. Задевающего струны души. Чего может хотеть миллионер?

Чуть не ляпнула «садист».

– Прямо сейчас – съесть одну маленькую, трясущуюся Мышку, – без утайки говорит он.

Давид Маркович вдруг обхватывает мое запястье стальными пальцами, и я шумно выдыхаю.

Пытаюсь вырвать руку, но с его силой бороться бесполезно. От его прикосновения на коже почти ожог. Но и он ничто по сравнению с тем, когда он мои пальцы насильно заставляет обернуть зачехленный брюками огромный член.

Он и правда кажется почти дубиной. Каким твердым и большим он был.

«Хватит!» – кричу мысленно и отдергиваю руку. Сама не понимая, что делаю, даю ему пощечину.

Вся сжимаюсь в страхе, что мне прилетит в ответ, но Давид Маркович только ухмыляется, даже не дернувшись.

Что это за человек?!

– Мышка не хочет быть съеденной, – почти рычу, когда понимаю, что мстить он не намерен, и все-таки встаю сама. И теперь недолго, но смотрю на этого извращенца сверху вниз.

Ладонь все еще жжет, и я прижимаю ее к груди.

Он чуть кривит губы и ловко поднимается во весь свой немаленький рост.

Нависает, подавляет, проникает в самую суть, доставая на поверхность все то грязное, что я когда-то спрятала.

– Хочешь. Хочешь быть съеденной.

– Неправда, – шепот на грани.

– Проведем эксперимент?

Что? Меня парализует от его взгляда, что все ближе. Я, не двигаясь, зачарованно смотрю в его затемненное лицо.

И вдруг чувствую, как меня толкают чуть повыше груди, прямо в стену.

– Что вы...

– Замолчи.

Его рука с груди медленно поднимается вверх, пока глаза внимательно следят за реакцией на лице.

Где мой чертов инстинкт самосохранения? Почему я не бегу от него со всех ног, а стою и чувствую, как кончик его большого пальца прочерчивает обжигающую линию по ключице, потом выше по ямочке на шее. Почему сердце ходуном, рваное дыхание и набухшая сладостным томлением грудь?

Давид Маркович вдруг давит на ямочку. Срывает с моих губ хриплый стон и обхватывает тонкую шею стальными пальцами.

Чуть придавливает, наклоняется, как будто хочет послушать, что я скажу. Смотрит на губы.

Но я не могу говорить. Тело наливается свинцом, в голове все еще пусто. В груди горячо от выпитого шампанского, а сама я словно между двух бетонных плит, в коконе безопасности.

И эта смесь ощущений заставляет меня задыхаться, прогибаться под невиданной властью, что неожиданно приобрел

надо мной этот человек.

Так быстро. Слишком быстро.

Он переводит взгляд с моих губ на глаза и ныряет туда, заставляя меня захлебываться страхом и странным ноющим трепетом.

Я буквально забываю обо всем, находясь во власти острых чувств, пропитавших как лекарство все еще дрожащее тело.

Он сжимает чуть сильнее шею, и уже в следующий миг я вдруг вскрикиваю, когда его пальцы надавливают на ткань халата между ног, на колготки и трусики, которые – о, боже мой – пропитываются обильной влагой.

Нет, нет, я не могла возбудиться от такого. Я даже от романтических ласк Леша подобного не ощущала.

Сейчас же в руках этого садиста, что продолжает давить мне между ног, я чувствую себя легкой, невесомой, готовой взлететь.

Я ловлю ртом воздух, хватаю его за запястье, качаю головой, умоляю. Себя. Его.

– Не надо. Это не... – правильно.

– Это просто эксперимент, – хрипло шепчет он и вдруг рисует языком узор от шеи к уху, оставляя влажный след, и в это же время резко пробирается рукой за пояс колготок, находя до постыдного мокрые лепестки, скрывающие позорно набухший клитор.

Он сжимает челюсти, лбом касается моего.

– Просто эксперимент, – рычит он мне в губы и накрывает

их в глубоком поцелуе.

Глава 8

Страх. Он тисками сжимает внутренности. Как яд распространяется в теле, отравляя, заставляя застыть как каменное изваяние. И просто принимать все то, что делает со мной этот хищник. И жадный поцелуй, которым он пробует на вкус мой пассивный рот, и пальцы, кружащие вокруг клитора, как змея вокруг добычи, дразняще, подготавливая к чему-то неизведанному.

Я его добыча, и я должна трястись, но сквозь туман страха я чувствую вспышки острогопряного возбуждения.

Я уже и забыла, что могу его испытывать. Я уже и забыла, каково это – быть... Порочной и грязной. И даже хотеть этого.

Одним весенним днем из меня буквально выбили все желания.

Я трясусь в руках незнакомого мужчины, слабо пытаюсь оттолкнуть их. Одну на шее, другую между ног. Впиваюсь ноготками в дубленую кожу, чувствуя, как по пальцам стекает кровь.

Но ему все нипочем.

Ни единой поблажки. Ни одного шанса спастись от странных, волнующих, таких неправильных чувств и эмоций.

– Не надо, не надо, – шепчу, хотя хочу кричать, пока его пальцы так ласково поглаживают половые губки, кончиками

задевая чувствительную точку.

Надавливая на нее и тем самым запуская механизм моей гибели. Спасения нет.

И я, как последняя шлюха, извиваюсь всем телом, оно просит чего-то... Чего-то... Запретного. Порочного. Оно жаждет вкусить принуждения.

– Тихо, тихо, – говорит он и зарывается носом в ложбинку между грудей, пытаюсь отодвинуть чашечки простого хлопкового бюстгальтера.

И тело как натянутая струна. Музыкант играет на ней своими пальцами снизу, а сверху продолжая сдавливать шею. Музыкант играет, заставляет меня захлебываться и рыдать от силы накативших эмоций.

– Не надо, не надо. Я не хочу...

Струна вдруг натягивается до основания, как только он начинает тереть внизу сильнее, чаще, почти остервенело, а его губы прикусывают плоть на груди.

Но чего-то не хватает. Всего шага, чтобы достичь неизвестной границы и рухнуть вниз.

– Кончай, сейчас, – с рыком приказывает он мне в губы, и струна, получив команду, рвется со звоном.

Я вскрикиваю, сотрясаясь всем телом в неожиданном, постыдном экстазе. И если бы не рот, вновь накрывший мои губы, мой крик разнесся бы по всей больнице.

Я опадаю в его руках, как размякший лист бумаги. Он успокаивающе целует, языком долго водит по губам, увлаж-

няя, и я, полуприкрыв веки, вижу, как он улыбается, а по его виску стекает капелька.

Во рту вдруг пересыхает, и я тянусь к единственному возможному источнику. Хочу напиться, вобрать в себя его силу. Неосознанно поднимаюсь на цыпочки и слизываю соленую каплю со лба.

Это не я. Я не такая, но замерший на мгновение Давид Маркович думает иначе. Вдруг закидывает голову назад и хохочет, счастливо, заставляя снова обостриться все чувства.

По телу проходит очередная судорога, и я, испугавшись себя, пытаюсь его обойти. Уйти. Убежать. Но тщетно.

Он тянет меня за колготки и, поднимая, сажает на подоконник, утыкаясь в живот головой и как будто облегченно выдыхая.

– Я давно искал такую, как ты. Даже сомневался, что найду. Кто же знал, что ты обитаешь в дыре.

Что? Меньше всего я ожидала услышать подобное. В голове все еще шумело от давно забытого ощущения.

Что это было? Почему тело до сих пор как расплавленный металл? И если бы не руки этого садиста, приведшего меня к первому оргазму за много-много лет, я бы уже свалилась мешком костей прямо к его ногам.

– Какую... Такую?

Он поднимает голову, сжимая руками мои бедра, и ухмыляется. Затем проводит губами от ключицы до шеи, щекоча

кожу.

И шепчет на ухо, опалая горячим дыханием, давая моим вроде бы успокоившимся чувствам новый виток развития:

– Мышку, получающую кайф от боли и унижения.

Глава 9

Удар под дых от его слов был такой силы, что я на мгновение задохнулась. Ледяная вода покажется кипятком с тем, как заледенела моя кровь.

«Ты похожа на жертву», – точно так же сказала Таня.

– Нет! Нет! Я не жертва! Мне не нужно унижение! – кричу и что есть сил начинаю отпихивать этого урода. Сквозь слезы гоню его вон, вспоминая давно забытые слова Леши.

«Ты же хочешь этого. Ты хочешь поиграть в жертву. Давай поиграем».

– Отпустите меня!

Хочу сорваться на бег, но тут же чувствую захват на руке.

Давид Маркович, несмотря на мое сопротивление, подтягивает меня ближе. Усилий почти не прилагает, в отличие от брыкающейся меня.

Прижимает к своему твердому телу и долго смотрит в глаза, стискивая руку пальцами все сильнее, и держа подбородок.

– Мне больно.

– Сегодня гуляй, – говорит он, на мои слова внимания не обращая.

В его голосе сталь и лед.

– Завтра остынешь, я заеду после смены, и мы поговорим.

Я объясню тебе, что в твоих желаниях нет ничего плохого.

– Я ни о чем. Ни о чем не собираюсь с вами разговаривать. Садист! – замахиваюсь и бью снова, по другой щеке, вкладывая всю силу ненависти к Леше и к нему. Я не хочу играть. Я не хочу быть жертвой или даже ей притворяться. Пошли они все в задницу! Ублюдки! Бью снова.

Чувствую сильнейшую боль в руке, ожог ладони и вижу алое пятно, растекающееся по его щеке.

В его глазах злость. Еле сдерживаемая жажда ответить. По моей спине стекает пот.

– В следующий раз, – обманчиво спокойно и выделяя каждое слово произносит он. – Я отвечу. Не смей бить меня без моего разрешения. Поняла?

– Без разрешения? – а с ним значит можно? Он разрешит?!

– Поняла, Солодова? Поняла, я спрашиваю?

– Да. Да. Да. Только отпустите меня!

Он еще мгновение смотрит мне в глаза и раскрывает пальцы-капканы.

Я тут же прижимаю к себе руку, тру запястье, вижу, как по коже распускаются цветами синяки.

И стою. Стою и не шевелюсь, смотрю на него снизу-вверх.

Ну почему я стою, когда мне надо бежать, почему не могу оторвать взгляда от его лица, медленно снимавшего маску садиста.

Теперь он снова лишь слегка заинтересован.

И он мог бы этим обмануть, если бы в глазах не было чет-

кого приказа: «Не двигаться. Ждать. Бояться».

Он наклоняется, гладит по лицу кончиками пальцев, обводит контуры, словно запоминает, касается губ.

– Рот открой.

И я вроде марионетки. Подчиняюсь, тут же чувствуя на языке солоноватый вкус.

Смыкаю губы, и, не отводя взгляда, втягиваю большой палец с ухоженным ногтем в рот, тут же вспоминаю, как в руке пусть и через брюки ощущала его агрегат между ног.

Давид Маркович, после недолгих фрикций, вытаскивает палец. Размазывает по моим дрожащим губам слюну.

– Завтра тебе придется отработать свой оргазм, а пока... Можешь идти.

Его слова звучат, как выстрел на старте, и я тут же разворачиваюсь и бегу. Шапочка, державшись на мне каким-то чудом, слетает, распуская мои собранные в пучок волосы.

Как только добираюсь до сестринской, закрываю дверь и прижимаюсь к ней затылком. Дышу рвано, часто, ощущая почти тахикардию. Боюсь, что сейчас в дверь начнет долбиться сам дьявол, взявший мою душу насильно. Даже расписываться кровью не пришлось.

Смотрю на свои ногти и вижу пятнышки крови. Мою руки и умываю лицо.

Боже, что это было?! Боже, кто он такой?! Кто дал ему такую власть над моим телом и сознанием.

Почти падаю на подушку и вспоминаю, как он поймал ша-

почку на лету, втянул ее запах как ищейка, чтобы найти след, и запихнул в свой карман.

Не знаю почему, но это картинка вызвала легкую улыбку на устах. Словно после темного туннеля этого дня я вышла наконец на солнышко.

Надеюсь именно его – солнышко – я увижу во сне.

Глава 10

И я снова здесь. Несмотря на тяжелый день. Несмотря изматывающую бурю эмоций. Тот же проклятый сон. Я снова погрузилась в этот кошмар, словно на глубину океана, где вокруг только тьма и холод.

Руками обнимаю себя, в очередной раз не в силах оторвать взгляд от насилия на грязном полу чулана.

Леша снова сверху, долбит и разрывает внутренности и душу своим противным членом, срывая с моих губ болезненные стоны.

Смотрю. Смотрю. Смотрю.

Слезы застилают лицо, я почти ничего сквозь пелену и пятна света не вижу... И вдруг с удивлением замечаю, как мои руки обвивают мощную шею проклятущего садиста, который запер меня здесь, чтобы издеваться и унижать, чтобы показать, какое он дерьмо.

Тогда почему вместо воплей я мычу и улыбаюсь, вскрикивая на каждый мощный толчок. Вместо того, чтобы царапать ненавистное красивое лицо, брыкаться, прижимаю его к себе ближе, трусью сосками.

Что происходит?!

Его руки на моей шее, давят, пока бедра работают все быстрее, с чавкающими шлепками врываясь в узкое отверстие.

Я кричу, царапая в кровь его спину:

– Сильнее, сильнее. Давид, сильнее!

Резко открываю глаза, слыша, как трещит телефон. Быстро, на автомате снимаю трубку, чувствуя жар во всем теле и пустоту между ног.

Отвечаю на звонок, привожу себя в порядок, чтобы пойти помочь провести экстренную операцию.

Думаю, думаю, думаю. Почему во сне был он, и, самое главное, почему я стонала, как развратная тварь, хотела сильнее, глубже, жестче?

Почему я не сопротивлялась, пока он причинял мне боль?

Во время операции все мысли из головы вылетают. Остается лишь ноющее натяжение внизу живота.

Принимая душ после, невольно вспоминаю о вчерашнем столь противоречивом фейерверке эмоций. Рука с мочалкой медленно ползет вниз, накрывает пушок волос между ног, пальцы задевают лепесточки, и я вскрикиваю от силы ощущений, как молнией пронзивших все тело.

Резко добавлю в воду кипятка, стараясь смыть эту грязь со своих желаний, растираю почти в кровь тело полотенцем, чтобы оно перестало трепетать от воспоминаний о садисте-миллионере.

Но в зеркале глаза все равно горят каким-то демоническим блеском, кожа кажется бледной, а губы словно припухшими от постоянных покусываний и облизываний.

Нет, так нельзя. Нельзя это чувствовать. Это неправильно.

Секс не может приносить удовольствие, женское тело – лишь способ удовлетворения мужских желаний. При этом мое явственно помнит те тепло и негу, которыми было полно после домогательств Давида Марковича.

У него много денег, руки, умеющие причинять как боль, так и удовольствие. Он может мне помочь. Он может спасти сестру.

Для этого нужно просто под него – сглатываю и прикусываю губу – лечь. Просто стать марионеткой на один месяц, стать секс-куклой, которую будут использовать по прямому назначению. Принимать в себя литры отборной спермы, удовлетворяя низменные потребности этого человека.

Очень привлекательного человека.

Смогу ли я выдержать это? Смогу ли не сломаться и дотерпеть до конца?

Иду в палату к Лене и долго смотрю, как мирно и по-ангельски спит эта чудесная, светлая девочка. Вспоминаю, как первый раз ее увидела.

Я была достаточно жизнерадостным ребенком, имела подруг, увлечения, маленькие тайны. Жизнь шла своим чередом.

Если бы я тогда знала, что это всего лишь мерзкое затишье. Бурей оказался не только Леша и его садистские наклонности, которые он сдерживал почти два месяца, пока мы встречались. Леша был лишь тем криком, срывающим лавины снега в горах. Начало конца. Все покатилося в тартарары.

Лавина.

Сперва осуждение всего города за мое решение упечь Лешу за решетку. Потом предательство родных, даже не отрицающих, как они во мне разочарованы. И в довершение всего обнародование подробностей моих мучений в кладовой, которые лично снимала Таня.

Тогда это и помогло засадить Лешу на восемь лет, когда ему хотели дать лишь год. И самым страшным стал истинный вид отношений родителей.

У матери давно любовник. Отец давно имел семью в другом городе. Когда отец не попрощавшись уехал, забрав из дома всю наличность, мама пошла по рукам. Часто приводила в дом так называемых друзей.

Школу тогда я уже закончила и, как жить дальше, не знала. Сальные взгляды мужчин, которые в подробностях видели, что делал со мной насильник, осуждающие – женщин. Отсутствие человека для разговора по душам. Все это очень часто направляло мой взгляд в сторону окна с видом на раскинувшийся за домом лес. И главное – на высоту пятого этажа.

Как было бы хорошо раскинуть руки и просто лететь в обжигающую, благословенную тьму, забыть все страдания, всю боль, весь ужас происходящего со мной пиз*еца. Так легко. Так сладостно.

И я ведь почти решилась, пока однажды мать не пришла и не сказала, что беременна четыре месяца и аборт делать

поздно.

Всего лишь одна новость. Чудо рождения. Чудо природы. Но в меня это вселило такую жажду жизни, что я просто погрузилась в заботы о матери и будущей малышке. Имя мы не могли выбрать до последнего.

Мама и сама преобразилась, словно осознала ошибки. Стала чаще бывать дома, никого не водила, исправно ходила работать на фабрику, где упаковывала алкоголь.

Когда, сидя в ожидании матери и читая очередное фэнтези, где прекрасные принцы спасают принцесс, я услышала жуткий крик из подъезда, я страшно испугалась. Потому что нутром почуяла. Мама. Малышка.

Я выбежала на лестничную клетку, уже с телефоном в руках, вызывая скорую, и испуганно закричала прямо в трубку.

Мать лежала внизу, а под ней была лужа крови.

Скорая приехала быстро, и принять семимесячную малышку пришлось прямо там, в подъезде. Именно я поехала с ней в больницу. Именно я первый раз покормила ее с бутылочки, и именно меня она впервые схватила за палец.

Я тогда поняла, что все прошлое – пустой звук, ничто по сравнению с этим моментом. Счастье в душе было настолько полным, что я почти забыла, как дышать. Лишь плакала. Плакала. Плакала.

Елена прекрасная. Дала я ей имя. Ведь она была поистине прекрасна. Она озарила светом мою душу. Она стала моей радостью.

Но и свет быстро угас, когда выяснилось, что у матери было венерическое заболевание и это повредило части органов малышки.

Глава 11

Сначала ничего плохого, она развивалась нормально. Мать работала, смотрела за дочкой. Я училась в медицинском колледже.

Но мать со временем умерла, а Лена страшно заболела. Может тоже меня оставить.

И теперь я еще и думаю, помочь ли ей?

Теперь я еще и пытаюсь строить из себя невинность, потому что мне неприятны прикосновения мужчин? Потому что мне страшно испытывать боль. Снова. Но разве я не могу потерпеть? Боль ничто по сравнению с тем одиночеством, в котором я окажусь опять, как только меня покинет последний лучик надежды.

Я не могу позволить Лене умереть.

Поэтому, собирая всю волю в кулак, я решаю сделать все, что прикажет этот богатый садист.

Вечером даже выхожу на крыльцо, чтобы встретить и «поговорить». Интересно, он заставит меня делать все то, что вытворял Леша? Будет приказывать сосать, глотать сперму, вылизывать его член? Будет нагибать, брать сзади и бить кулаками по ребрам?

Кроме последнего, остальное вызвало странное тепло внутри живота, когда я представляла на месте худого смазливового Леша широкоплечего Давида Марковича.

Ну, где же он?!

Он не приехал. Я прождала почти до полуночи, стоя на крыльце как вкопанная и репетируя, что ему сказать.

На следующий день Давид Маркович тоже не появился, и вот тут я действительно запаниковала.

Ведь у меня был шанс спасти сестру, а я как дура его профукала. Убежала. Надо было прям там сесть на колени и сделать все то, о чем приказывали его жестокие глаза. Все то, что он мысленно проделал со мной, даже не прикасаясь, только насилуя душу взглядом.

Еще через день он снова не появился, и я, лелея надежду, подумала, а не сходить ли к заведующему. Но что я скажу?

«Извините, собираюсь продать свое тело, не могли бы вы подсказать адрес покупателя?».

Представив лицо Романыча в этот момент, я даже засмеялась, но улыбка быстро ушла с губ, когда я поняла, что единственным выходом будет использовать затертую до дыр визитку.

Прежде чем взять свой старый кнопочный телефон, я очень долго пялюсь на черный клочок бумаги. Стерлось от моих пальцев все, кроме номера телефона. Оно все еще ярко сияло во тьме целлюлозы, словно неоновая вывеска, приглашающая прохожих.

Итак, последний шанс. Звонить или не звонить? Прыжок в бездну неизбежен. И теперь только мысль, что я могу в итоге стать такой же развратной, как мать, такой же порочной,

неправильной, что эта бездна боли и удовольствия затянет меня и никогда не отпустит, не давала мне набрать заветный номер.

Глава 12

Я долго смотрю в разбитый экран телефона, шумно выдыхаю и провожу по нему пальцем, сдвигая блокировку.

Вот и все. Ни шагу назад.

– Алло, клуб «Куртизанка» слушает, какие фантазии вас мучают сегодня? – пропевает заученную фразу мелодичный голос.

Какие фантазии? О смерти.

– Не могли бы вы позвать Татьяну Воронину?

– Таннету? Секунду.

Таннета, надо же. Очевидно, простые имена в мире проституции не котируются. Даже любопытно, какое можно взять мне.

– Солодова? Три дня, – хмыкает Таня в трубку, и мне хочется туда плюнуть. – Я смотрю, ты несильно рвешься спасти сестру. Особенно учитывая последние события.

– Откуда ты... – охрипшим голосом шепчу я и чувствую мороз по коже. За мной следят?

– Больница у вас большая, твою историю многие знают. Так что, ты готова?

– У меня есть вопросы...

– Конечно, есть, и я на все отвечу. Увольняешься и приходишь в клуб. Чем быстрее, тем лучше. В пятницу отбор.

– Отбор?

– Да, Давид будет выбирать себе собачку, – поясняет она и тут же хохочет, а меня начинает подташнивать.

– Почему собачку? – испуганно шепчу я.

– Ну, так говорят по рабынь. Поводок, все дела. Адрес помнишь?

– Лучше бы забыла, – содержимое этой проклятой бумажки навсегда врезалось в память.

На следующее утро с большим трудом получила отпуск за свой счет на месяц. Романыч как клешнями вцепился, пытаюсь выяснить правду.

– Что за родственники? – поднимает он брови, когда я вру с три короба, что поехала в другую область за деньгами. – Они не могут приехать сюда?

– Не могут. Там... – на ходу сочиняю. – Боязнь путешествий.

– Вот как? Диагноз сама ставила? Ладно. Бери свой отпуск. Но почему так долго?

– Алексей Романович, – уже устало говорю я и поднимаю, наконец, взгляд, стоя перед ним, как провинившаяся девочка. – Можно я перестану объяснять и просто сделаю то, что должна? Ради сестры.

– И то, что ты должна сделать, не претит твоим желаниям? – интересуется он, смотря на меня сквозь толстые очки.

– Главное – спасти сестру. А мои желания меня не особо волнуют.

Таню, то есть Таннету, они тоже особо не волновали, по-

этому, когда я с сумкой появилась в клубе «Куртизанка», пришлось ждать, когда она закончит с клиентом.

Сiju и тихонько осматриваюсь, покусывая от волнения кожу возле ногтей. Дурная привычка, но в теле такая буря эмоций, что остается либо кричать, либо кусать себя.

Вокруг тишина, работники клуба в кожаных одеждах, больше похожих на рыболовную сеть, снуют мимо, почти меня не замечая.

Только бармен с серьгой в ухе и бандане подмигивает, но я тут же отворачиваюсь, осматриваясь. Розовые мягкие стены, черные бархатные диванчики, зеркальный потолок, в котором отражается, делая пространство больше, помещение БДСМ-борделя.

Его не найти на карте, я его и в 2ГИСе еле нашла.

В него можно попасть через потайной вход, расположенный возле зоомагазина. И если ты точно не знаешь, куда идти, то просто пропустишь черную табличку.

Но за мной вышли и встретили – неприметный мужчина-охранник.

Снова чувствую на себе взгляд бармена и пониже натягиваю на светлые волосы капюшон, стараясь отрешиться от происходящего, и погружаюсь в легкий играющий в колонках лаундж.

Взгляд невольно цепляет миниатюрную сцену, на которой медленно репетирует рыжая девушка, пытаюсь, кажется, протереть в шесте дыру своей промежностью.

Кто вообще так танцует? Вот когда я училась на пило...

– Ну, Таннета, – жалобный мужской голос прерывает мои мысли, и я вижу, как со второго этажа за Таней идет и канючит среднего роста худощавый брюнет. – Почему мы не можем встретиться завтра?

– Потому что, Владик, у тебя нет денег! Я и так вторую встречу в долг тебе пишу. А будешь ходить и нить, выдеру тебя straponом, сниму на камеру и отправлю отцу Насти. Как думаешь, у него хер побольше straponа? – смеется она и внезапно приподнимает красную юбку, из-под которой торчит розовая херь, похожая на огурец.

Боже, куда я попала? Какие-то straponы, Насти, деньги.

Я невольно бросаю взгляд на дверь, зажимая до побелевших костяшек в пальцах сумку, потому что мне нужно на воздух.

Просто подышать. Честно. Я только сделаю глоток воздуха, словно вынырну из этого океана разврата, и тут же вернусь.

Уже хочу встать.

Глава 13

– Майя! Куда намылилась? Влад, иди к жене, пока я тебя снова в клетку не впихнула.

Я медленно разворачиваюсь к этой облаченной в черный латекс проститутке, так нахально общающейся с клиентом, и пытаюсь улыбнуться.

Мимо меня проходит насупившийся мужчина и направляется к бару.

– Привет, – здороваюсь я.

– Жора! Этому не наливать. Пошли, времени мало.

Она, не здороваясь, кивает и идет куда-то в сторону лестницы, а я стою на месте.

Не могу заставить себя сделать и шага. Воздуха в легких все меньше, а в горле стоит ком. Если бы только был другой выход. Любой другой выход.

Таня оборачивается, видит мое замешательство и, закатив глаза, подходит и за плечо тащит за собой.

– Давай только ты из себя овечку невинную строить не будешь? Как девственница.

– Не буду? А разве не это нужно садисту? – резонно задаю вопрос я и прохожу за Таней в простую светлую комнату, очень похожую на зал парикмахерской.

– Ты только ему не ляпни, что он садист. Это, кстати, наша гримерная, – поясняет Таня. – Светик, займись этой цыпой.

Ко мне подходит высоченная девушка неопределенной национальности. То ли китаянка, то ли итальянка.

– Волосы?

– В брюнетку надо бы.

– Зачем в брюнетку?! – хватаюсь я за свои от природы светло-русые волосы. – Чем тебя цвет волос-то не устроил?

– Солодова. Ты вроде не дура. Слушаешь меня и делаешь, как я сказала. Давид всегда берет брюнеток. Потому что иначе плакала твоя пересадка.

– Тебе нужна пересадка? – ахает Света и прижимает руки с длинными ногтями к груди. – У меня у деда недавно печень отказала. Тоже хотели пересадку, но в его крови, видите ли, нашли прилично промилей алкоголя. Даже в очередь не взяли. Суки. Бухал много. Ты тоже пьешь?

– Нет, – осторожно отвечаю, удивляясь этой словоохотливости, и делаю шаг назад, все так же держа волосы. Единственное ценное кроме сестры, что у меня есть.

Я часто думала их отрезать и продать. Но красить? Да еще и в темный?!

– Может, без покраски?

– Ага, еще скажи, без депиляции, – смеется Таня, и Света подхватывает.

– Ноги побрить надо? Так у меня там и волос-то нет. Пушок светлый.

– А между ног тоже нет?

– А там зачем брить? – недоумеваю я с ошалелой улыбкой,

не веря, что все происходит наяву, а девки переглядываются и откровенно ржут.

– Ну ты деревня. Ладно, так даже лучше. Меньше подозрений. Света, давай ее в кресло сажай. А я пошла за обучающими материалами.

– Книгами? – воодушевленно спрашиваю я и сажусь перед зеркалом, смотря в свои испуганные глаза. И было ведь, отчего испугаться.

– В книгах слишком много букв, а нам нужно побыстрее тебе все показать, – ухмыляется Таня и выходит за дверь, пока Света разводит раствор с краской.

Видео. Понятно. Это невольно всколыхнуло воспоминание, как я впервые увидела себя на видео, снятом скрытой камерой.

Тогда я стояла в коленно-локтевой, со связанными за спиной руками и кричала от боли, пока Леша в кровь трахал мой задний проход. Один из кошмаров, теперь мне часто сновившихся.

Не знаю, что было в голове у Тани, когда она это снимала. И что было в ее голове, когда она никого не позвала на помощь.

Страх перед будущим на время померк, как только Света и Таня взялись за меня всерьез. Чувствую себя какой-то наложницей в гареме, которую готовят к первой брачной ночи с султаном.

Правда, султана надо еще соблазнить, чтобы получить за-

ветные ключи от новенькой квартиры.

И кроме приведения всех частей тела в порядок, удаления нежелательных волос и прически, нужно было...

Глава 14. Давид

Меня нельзя было назвать добрым или приветливым, для этого взгляд у меня был слишком тяжелым, а губы тверды, подбородок упрям.

Угрюмым, нелюдимым – вот это да, это про меня. Я четко выполнял свою работу, делал ее хорошо и благодаря вливаниям отчима смог неплохо раскрутиться в жизни.

Покупал убыточные предприятия за копейки, с помощью своего хакерского таланта ставил на ноги и продавал в сотни раз дороже.

Одно предприятие, второе, сотое, я сбился со счета где-то на третьей тысяче. Теперь за меня работали другие, а я лишь руководил, как капитан корабля. Но и у кораблей порой бывают пробоины.

Взрыв на одной из нефтяных скважин вынудил меня самолично в компании лучшего друга и партнера Владимира Корзуна отправиться на платформу, надеть защитный костюм и тушить пожар.

И пока я воевал с огнем, пока спасал людей, в моей голове зудела мысль, что не предупредил Солодову о своем скоропалительном отъезде и даже не успел дать наказ Маргарите – секретарю.

Пока языки пламени пытались сбить с ног, я лишь думал, как легко сбила меня с ног своим взглядом девчонка. Если

не присматриваться, ничего особенного. Просто медсестра, просто работающая в больнице, куда я регулярно вкладывал деньги.

И я бы прошел мимо, жил бы себе и дальше трахал громкоголосых шлюх, которые кроме кляпа во рту и члена в заднице ничего не заслуживали, если бы не два фактора, сметших все жизненные планы в преисподнюю.

Во-первых, запах. Запах сладкого страха, смешанного с женственным возбуждением. Эта смесь просто лютая, она зацепила в капкан, не отпускала ни на секунду все то время, что она была рядом. Но даже это я бы пропустил, если бы не взгляд.

Она что-то уронила, почти упала мне в ноги и какого-то черта подняла свои большие глаза. Такие большие, возбужденные глаза. В них было столько вопросов, столько мольбы дать ей защиту, что меня накрыло.

Я ясно представил, как стою перед ней с плетью в руке, шлепаю по половым губам и приказываю кончить. Она кончила для меня в безлюдном коридоре, поддавшись напору и своим потаенным желанием, завела так, как не заводила ни одна жесткая БДСМ-порнуха, где бабу сажали в клетку и пускали по кругу.

Она была одно сплошное великолепие подчинения, и я буквально чувствовал его вкус на языке, который она так неумело ласкала. Обещал к ней приехать, но...

Я привык отвечать за свои слова, а еще привык брать са-

мое лучшее. И эта девчонка с глазами цвета океана на Лазурном берегу была лучшей нижней, что я видел в своей жизни.

Податливая, мягкая, пугливая. Таковую искал много лет, удовлетворяя свои потребности с ушлыми шлюшками, которые могли неплохо сыграть роль сабы, но никогда не приняли бы этого всерьез.

Солодова же.

Одна фамилия навевает сладостные мысли о солоде, который придает пиву мягкий сладковатый вкус с горчинкой. Вот и она была такой же...

Она была настоящей. Я увидел в этих глазах похоть, тщательно скрываемую страхом. И от этого сочетания нервы до сих пор звенели.

Одно лишь прикосновение к ее телу, а в дальнейшем ее неизбежный отклик, снесли внутренние стены, которые строил много лет.

Каждой твари по паре.

Свои желания хотел разделить не за деньги, а по взаимному влечению. Потому что нет ничего лучше, чем найти истинную сабу, которая будет принимать боль, наслаждаясь ею так же, как наслаждается Хозяин, ее причиняя.

Истинная саба должна получать удовольствие в первую очередь, ублажая своего Хозяина. Именно это сочетание делает Тему столь острой и возбуждающей.

Полное единение. Никакого принуждения, никаких страданий. Только кайф, как от самого упоротого наркотика. И

теперь я чувствовал настоящую ломку, потому что нашел свой опиум.

Солодова должна сама хотеть, угадывать желания и полностью отдаваться во власть своего дома. В мою власть.

– Ты не здесь, – замечает Володя, стягивая с тела почти насквозь прожженный костюм и откидывая его в сторону. С огнем-то они справились, но потери, как денежные, так и ресурсные, будут колоссальны. – И явно думаешь не о работе.

– Не о ней, – подтверждаю и мажу ожоги специальной мазью, которая была в распоряжении любого работника нефтяной платформы. – Девчонку нашел.

Володя, взяв полотенце, оборачивается и удивленно вскидывает брови.

Я ему как-то рассказывал о своих потребностях, и друга это не смутило, но речи о женщинах не вел. Потому что платил им. Кому приятно болтать о том, что не можешь найти женщину, готовую лечь с тобой по любви, а не из-за материальных благ.

– Ту, что надо?

– Высший класс. Настоящая.

– И как ты понял? – интересуется Володя несколько недоверчиво. – Может, очередная шлюшка в Теме? Подставная?

Володя не слишком доверял женщинам. Бывшая жена до сих пор пытается его разорить.

– Эта даже не знает о Теме, в этом и вся прелесть.

– Даже так. Девственница?

– Надеюсь, нет, – морщусь, вспоминая крики своей единственной невинной. Я и сам тогда молокососом был, а она орала как резаная. Я, конечно, любил игры с криками и болью, но не хотел причинять ее по-настоящему. Хотел игры. Взаимно приятной и обжигающей нутро.

– Познакомишь? – подмигивает Володя, на что я скалюсь, вспоминая тонкие черты лица и пухлые губы, явно напрашивающиеся на что-то покрупнее большого пальца.

– Когда женюсь. Не раньше. Иначе решит, что можно и без Темы быть счастливой.

– Можно, в принципе, – замечает Володя и заходит в кабинку душа, закрывая за собой двери.

– Не таким, как она или я.

Глава 15

Растираю тело мочалкой, уже кожей ощущая, как скоро Солодова будет делать это своими неумелыми ручками, как будет пытаться спрятать свой взгляд, как пальчики будут порхать на члене, как хорошо она будет слизывать капли воды с тех мест, с каких прикажу.

Одно слово «приказ», и я сжимаю челюсти, планируя первым же приказом раздеть Солодову. Потребовать показать мне свое тело.

Чудесное, жаждущее ласк и наказаний, тело. Мое тело.

По возможности решив все проблемы с убытками, вернулся в Москву и тут же набрал номер приемной детского хирургического отделения. Расписание узнал сразу, чтобы у Солодовой не было возможности избежать встречи.

– Как уволилась? – не понял я, выслушав ответ в третий раз и медленно выпрямляясь в кресле в своем современном кабинете.

Шумно выдыхаю, чувствуя, что паника втекает в тело, как яд. Потом еще раз. Прикрыв глаза, стараюсь не волноваться.

Найдет. В конце концов, далеко она уйти не могла. Может быть, нашла работу в клинике или пусть даже уехала в другой город. Не важно. Дело пары дней и навыков хакера.

Неужели испугалась? Неужели я неправильно понял ее тело и чувственную сущность?

Я находил истинную сабу только однажды, но она давно принадлежала другому. Скорее всего, она уже свободна. Марисса из Лондона.

Но желания забирать чужую истинную у меня не было. Если он упушу и эту...

– Когда? – спрашиваю спокойнее, сдирая галстук и быстро набирая на селекторе номер главы своей безопасности. Димы.

– Буквально пару дней назад, – отвечают в трубке, пока на заднем фоне шумят голоса. – Так быстро. Мы даже удивились, что ее отпустили, учитывая...

– Да, Давид Маркович, – ответили с другой стороны, и я прослушал ответ медсестры. Впрочем, это было уже неинтересно, и, извинившись, бросил трубку.

«Значит, два дня. Ждала два дня и слиняла, – думаю, дрожащей рукой проведя по темным, чуть вьющимся волосам. – Куда только?».

– Солодова, медсестра, нужен адрес, – бросил Диме и, отключив связь, поднялся и подошел к окну.

Город, раскинувшийся передо мной как море, скрывал девчонку. Но я найду свою жемчужину, даже если для этого придется перевернуть каждую раковину, сожрать всю рыбу. Я не привык отступать. Привык получать то, что было нужно. На данный момент только адрес.

Я не хотел знать остального. Мне было важно ее тело и подчинение, а не мысли. Если честно, я боялся, что ее воз-

можная глупость отвратит меня. Не терпел тупых людей. Я в принципе с трудом переносил общество. Так и с Солодовой.

Как часто, встречая человека, чувствуя страсть, мы разочаровываемся в нем из-за мелочи.

Я боялся перестать чувствовать то острое предвкушение, которое раздирало на части и приносило удовольствие.

Эйфорию только от мысли, как буду учить свою сабу, как вместе с ней буду открывать все способы чувственного секса. Секса на грани боли. Боли на грани наслаждения.

Дима перезванивает через пять минут, за которые я стискиваю свой член, ярко представив все, что буду делать с этой малышкой.

Она такая миниатюрная, так похожа на фарфоровую куклу, которые когда-то дарил настоящий отец матери.

Глава 16. Майя

Не поднимать взгляд, не открывать рот, если не попросят, не закрывать рот, если не прикажут, ложиться на спину, да и в любую другую позу по первому требованию, терпеть любую боль.

– А ему не проще купить себе резиновую куклу? – интересуюсь я, уже в который раз перечитывая эти правила.

Такое ощущение, что Давиду Марковичу нужна не женщина, пусть и нижняя, а просто тело.

Но ведь это не так. Я сама помнила, как он заставлял меня двигаться, направлял своей рукой, губами.

Да, было стыдно, порочно, даже грязно, но, по существу, он требовал не беспрекословного повиновения, а чтобы я получила удовольствие, пусть и в такой извращенной форме.

Я комкаю листок, надеясь, что Таня мне все объяснит лучше, потому что то, что мы наблюдали на видео, было отвратительно и тошнотворно. Такое не могло нравиться женщинам. Что хорошего, когда твои груди, как мешки, перевязывают так, что они синеют? Ужас. Или, например, соски протыкают разными прибрудами, прицепляя к ним электроды и пуская ток по телу.

Это не то, что не возбуждает, это до смерти пугает, особенно когда видишь эти искаженные судорогой лица и слышишь натуральные визги.

Не удовольствия. Боли.

И если со мной подобное хочет проделать Давид Маркович... Боже. Ну, то есть понятно, что я уже не сбегу, а то, что я, одеваясь в черный пошлый кожаный костюм зайчика, часто посматриваю на дверь, ничего не значит.

Да, я очень хочу уйти, сбежать, сорваться на бег, оставить позади это место порока и греха, снова окунуться в чистоту небесных глаз Лены. Но они закрыты. И только от меня зависит, откроются ли снова.

Я не могу, не могу себе позволить следовать своим желаниям. Уже очень давно я живу лишь нуждами Лены и пациентов.

Последний раз смотрю на себя в зеркало, вижу, что глаза от бесконечных слез покраснели и чуть опухли.

Но это ничего. Под маской проклятого зайца «Плейбоя» не видно. А когда я буду давиться членом, слезы и так потекут.

Зато видно теперь темные волосы, ярко покрашенные губы, казалось, они сейчас просто отвалятся от обилия помады. На глаза зачем-то нарастили ресницы.

На себя я теперь мало похожа, кроме ногтей, на них не нашли времени, потребовав просто стереть пурпурный лак.

Но из-за какого-то внутреннего протеста я захотела оставить себе хоть эту маленькую частичку. Частичку себя. Если бы еще знать себя, знать, какая я на самом деле, потому что после изнасилования я потеряла что-то очень важное и

найти этого до сих пор не смогла, и, судя по всему, не найду. Ведь мне снова придется подчиниться желаниям.

Только теперь грязным, развратным, чужим желаниям. Это был отбор.

Нас стояло разного типа, роста и телосложения семь девушек, прямо как семь смертных грехов. Теперь готовых выполнить любую прихоть сатаны, что появится с минуты на минуту.

От плохого предчувствия по телу проходит холодок, горло перехватывает, и я большими глотками пью воздух, чтобы успокоить расшатавшиеся нервы и бешено бьющееся сердце. Но тщетно. Задыхаюсь. Хочу уйти, потому что скоро, совсем скоро увижу того, кто нагло украл место в моих мыслях, отведенное для Лены.

Делаю серию глубоких вдохов, выдохов, ощущая, как в голове ударами грома стучит кровь, а кожаный костюм стесняет грудь, давит на тело.

Я здесь, чтобы спасти сестру, я стала шлюхой, потому что другого пути нет. И повторяя себе мысленно эти слова, я невольно вспоминаю, что Давид обещал за мной приехать, как приказал кончить, как терзал пальцем чувствительное место, как жадно целовал. Тело уже горит, словно ощущая приближение источника огня.

А как бы все вышло, не приедь я сюда? Как бы все вышло, подожди я его еще денек? А если он не выберет меня, а если Лена умрет? Боже! Это, кажется, он! Он снимает пальто

в фойе и скользит взглядом по красным портъерам, лебезящим перед ним работникам и наконец останавливает его на нас.

Глава 17

Несмотря на то, что на нем была плотная маска черного цвета, не узнать эту твердую челюсть, жесткие губы, широкий разворот плеч было невозможно.

Все тело напряглось в вязком ожидании, словно заранее повинувшись любому приказу этого мужчины, а по спине прошла явственная, еле заметная со стороны дрожь.

О чем-то еле слышно переговариваясь с арт-менеджером, он заскользил взглядом по ряду, в котором я стояла первой справа.

А я стояла, пошатываясь, и ждала. Как ягненок на заклании, как рабыня перед повелителем.

Давид Маркович даже не смотрит, но его аура, энергетика давят и без зрительного контакта.

Лишь на мгновение, словно услышав мои мысли, он коснулся меня острым взглядом в этом мигающем свете черных глаз. Скорее, мазнул.

Почему он не приехал? Почему не сообщил, что не придет? Ведь наверняка у него была возможность передать сообщение на пост в больницу или он мог попросить позвонить одного из своих секретарей.

Таня про миллионера толком ничего не рассказала, потому что и сама мало что знала. Лишь услышала случайно о парочке подаренных любовницам квартир и решила срубить

легких денег.

Использовать меня. Ту, у которой выбора-то и немного. Согласиться и... согласиться.

– И самое главное – это не упоминать, что ты знаешь про квартиру, – наставляла она меня час назад, – что ты нуждаешься в деньгах. Он должен верить, что ты обыкновенная проститутка, которая согласилась участвовать в его извращениях. Ну, с другой стороны... Тебе ведь не привыкать.

Я проглотила и это. Ради сестры я стерплю очень многое. Только надеюсь, что меня никто ничем не будет прижигать, как в последнем видео. Очень сильно надеюсь.

Наконец Давид Маркович поворачивается к нам лицом. Мужчина рядом, арт-менеджер «Куртизанки» Сергей, лишь приподнял брови в безмолвной команде, и все, словно придавленные силой магии, опускаются на колени.

Кроме меня.

Я падаю спустя пару секунд. Это была уловка, чтобы клиент обратил внимание именно на тебя. Вроде как садисты любят туповатых рабынь, неспособных на мыслительный процесс.

Это сработало, но в обратную сторону. Давид Маркович заметил мою наигранную неуклюжесть, но скривил губы, как будто учуяв неприятный запах, и меня взял холодный страх. А что, если не сработает?

Он медленно обходил нас по кругу, долго осматривал тела, руки за спиной, подходил к каждой, вглядывался в глаза,

водил большим пальцем по губам.

Было неприятно на это смотреть, ведь совсем недавно я была на месте этих девушек, тоже открывала рот по его требованию, кончала по его приказу.

Я, это была я.

А в этот раз он просто прошел мимо, не посмотрел, не коснулся, словно я заразная. Что же это такое? Неужели все старания и страдания, на которые женщина идет ради привлекательности, были напрасны?

Это было унижительно. Унижительно осознавать, что выставила себя на продажу просто так, а еще страшнее осознавать, что если не выберет он, то я не успею отказать остальным клиентам, что собрались потихоньку в зале и осматривают нас, как товар на рынке.

Впрочем, товаром мы и являемся. Товаром для удовлетворения животной похоти, часто граничащей с дикостью.

Например, Давид Маркович. В моих представлениях он уже с плеткой, он уже выжигает ударами на коже свое клеймо. Свое имя.

И то, чего я больше всего боялась, происходит, он выбирает не брюнетку, как делал обычно, чем бесконечно поражает персонал и в особенности Таню.

Он выбирает одну из двух блондинок. Взяв ту, что посередине, за поводок, он подтянул ее к себе, заставляя смотреть в глаза, словно что-то искал в них.

Меня! Он понял, что я блондинка, и ищет мой образ!

И он бы так и ушел, разрушил планы Тани, жизнь моей сестры, мою и отблески надежды на пряное удовольствие, которое он умеет дарить. Он бы так и ушел, если бы не пыль, попавшая мне в нос. Здесь не особо утруждают себя уборкой.

Я звонко чихнула, второй раз привлекая к себе внимание. И автоматически зажала нос пальцами.

– Раз вы определились, господин Д, – вдруг слышу мужской чуть шепелявый голос и краем глаза вижу тень. – Я, пожалуй, возьму эту малышку с края.

Меня?

Давид Маркович чуть поворачивает голову, но взгляд так и направлен на мою руку, вернее, на ногти, которыми я недавно протыкала в кровь его кожу, пытаясь остановить руку.

Он в пару шагов приблизился ко мне и этой самой рукой схватил запястье, поднимая меня с колен и сдергивая маску.

И все бы ничего, он ведь узнал меня, план сработал, но взгляд, опаливший лавой презрения, не предвещал ничего хорошего.

– Прошу прощения, господин Б, но я еще не сказал последнего слова.

– Очень жаль.

– Эту, Сергей. Я беру эту... – прошипел он и замолчал, но я ясно услышала: «суку».

...взглядом. Скорее, мазнул. И в этом красноватом свете

его глаза показались черными.

Глава 18. Давид

Самое сложное – найти человека, который и не думает прятаться. Солодова, как выяснилось, Майя не планировала поездок, не совершала подозрительных звонков, не сообщала соседям о своем отъезде.

Она просто взяла и... исчезла. Была Майя, и не стало Майи.

И теперь и ее пропажа, и она сама, и даже ее весеннее имя не давали мне покоя ни на миг. Сводили с ума, порой ввергая в безумие.

А одна мысль о всех грязных вещах, которые я так и не проделал с пугливой Мышкой, приводили член в состояние окаменения, что не только затрудняло рабочий процесс, но и просто мешало жить.

За день три холодных душа. Удовлетворять себя я не привык. Для этого существовали рабочие руки, пухлые губы и узкое горло.

Проблема заключалась лишь в том, что любовницы у меня не было уже месяц, и последние три дня я не сомневался, что ею станет Солодова Майя, медсестра местной больницы, но, кажется, ошибся.

Меня бесконечно бесило, что со всеми моими деньгами и связями я просто не могу не то, что ее отыскать. А даже примерно сказать, куда она отправилась.

Именно поэтому, когда позвонили из «Куртизанки», я подтвердил свой визит, который еще пару часов назад планировал отменить.

Солодова всплывет, не сегодня, так завтра, а пока, чтобы совсем не взорваться, не поувольнять весь свой холдинг, не разорить пару новых компаний, нужно нанять чудную нижнюю, пусть и играющую свою роль, пусть и открывающую рот по первому требованию ради бабла.

Рабочий день, неудовлетворенность, собственное бессилие утомили. И менеджера Сергея я слушал вполуха, лениво осматривая дорогое, вульгарное убранство борделя в красно-черных тонах.

Рабыни на продажу уже выстроились в ряд и готовились к «кастингу». Сергей лишь взглянул на них, и все упали на колени, как будто кто-то выдернул из-под висельников стул.

Кроме одной.

Сам факт, что нижняя не может следовать команде беспрекословно, вызывал раздражение. Я не терпел людской тупости, а в особенности таких шлюханских уловок.

И твердо решил для себя крайнюю рабыню среднего роста обходить стороной.

Даже выбрал блондинку. Впервые за много лет. Она хоть и отдаленно, но напоминала мне Солодову. Лишь отдаленно, но желание нагнуть ее, сдавить шею и слышать крики стало невыносимым.

Я уже потянул за поводок. Планировал насладиться губа-

ми без помады, как вдруг услышал тонкий чих.

Каким-то шестым чувством понял, что это опять тупая рабыня. Не может сдержать естественной реакции.

Учитывая, что порой проделывают Хозяева со своими нижними, это как минимум непрофессионально.

– Раз вы определились господин Д, – мы назывались по первой букве в имени. – То я, пожалуй, заберу эту крайнюю птичку, раз она так сильно привлекает к себе внимание.

Я не слушал, зацепил взглядом блеск, отражающийся от ногтей. Простых, коротко обрезанных ногтей, следы которых до сих пор ныли на запястьях.

Глава 19

Не может быть. Не может быть.

Это просто абсурд – поверить, что столь скромная, боящаяся малейшего к себе прикосновения медсестра могла оказаться шлюхой.

Обыкновенной шлюхой, готовой пойти на любые уступки Хозяину ради денег. Прямо как мать, которая, оказывается, долгое время спала с другом отца.

Он и стал моим отчимом. Тот не полюбил меня, теперь я не полюблю сладкую Майю, потому что шлюхам не нужна любовь.

Они не достойны любви.

Но стоило убедиться, что ее желание живо и не погребено под мужскими телами.

Поэтому через пару шагов дернул на себя безвольное тело и снял резким движением маску.

Чтобы убедиться. Да... Это она. Намалеванная, с другим цветом волос, с наращенными ресницами и в костюме, который я никогда не хотел бы на ней видеть.

Я никогда не хотел видеть ее такой вот, развратной, грязной, в притоне.

Только обнаженной в моей постели, максимум с ремнем на шее и наручниками на руках.

– Прошу прощения, Господин М, но я не сказал послед-

него слова. Сергей, беру эту, – хотелось добавить «суку», но промолчал.

Взгляд сучки был откровенно испуганным, будто она не понимала, куда попала, но, судя по поведению тела, едва заметной дрожи от хватки руки, она давно знала, как получать и доставлять удовольствие.

Проверим.

Уводя крепкой хваткой отсюда Солодову, только радовался, что мне по статусу положено выбирать самым первым, и я не увидел, как эти уроды трогают мою собственность.

То, что Солодова теперь ею станет, сомневаться не приходилось. Она сама дала понять, что еще одна блядь, созданная для удовлетворения потребностей, и готова уйти по первому требованию.

Сергей, указав на столик с водой и фруктами, отошел, оставив за собой лишь тяжелую, давящую тишину.

Мне только и пришла мысль сразу поехать домой. Но я не хотел приводить ее такую в свой дом.

Солодову хотел, желал подарить ей все...

А этой твари хотелось лишь показать, где ее место. Их место.

Стянул с плеч пиджак – медленно, чувствуя на себе ее острый взгляд. Но прекрасно знал, что, как только повернусь спиной, Майя его укусит.

Плеснул себе воды и выпил, почти не шевелясь, обдумывая, с чего начать игру.

Я сам подошел к стене, увешанной разными БДСМ-атрибутами.

Нашел. Для начала. Простую собачью чеплашку.

Плеснул воду в миску, поставил возле кресла, в котором сам вальяжно развалился.

Но это было только внешнее спокойствие, пока внутри, сметая всю симпатию на своем пути, бушевал ураган. Она хотела стать шлюхой, я покажу, что такое унижение нижней на самом деле.

– Ползи сюда, – потребовал звенящим от напряжения голосом, чувствуя, как от осознания, кто передо мной в покорной позе, разбухает член и плаваются мозги. – Ползи сама, пока я не заставил!

Майя колебалась еще пару мгновений, словно борясь с собой, но сделала, как было велено, и остановилась прямо передо мной.

Когда она подползла на достаточное расстояние, я, уже дурея от близости столь желанного тела, взял поводок, дернул за него и заставил посмотреть в глаза.

Меня мучили противоречия. Кто она?! Кто она такая на самом деле?!

– Значит, ты шлюха? Это твоя основная работа?

Она хотела отвести взгляд, но я не дал, дернув за поводок повторно.

– Отвечай!

– Я буду такой, какой пожелает мой Господин.

Безумие приняло новые, катастрофические масштабы, ведь я так мечтал услышать что-нибудь другое. Мечтал о ком-нибудь другом. А эта... Тварь.

Рукой направил ее голову вниз, резко, грубо наклоняя, и прогремел прямо в ухо:

– Докажи! Лакай воду, как собачка у ног Хозяина.

Глава 20. Майя

Мне здесь не нравится. Это место еще больше напоминает бордель. Даже больше, чем холл, где нас выставили на продажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.